

Агапов Михаил Геннадьевич

ПАЛЕСТИНА В ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИХ РАСЧЕТАХ СССР (СЕНТЯБРЬ 1939 - ИЮНЬ 1941 Г.)

В статье исследуется место и роль Палестины в советской ближневосточной политике накануне Великой Отечественной войны. Особое внимание уделяется анализу оценок советским руководством ситуации в "еврейском национальном очаге" и вокруг него в связи с существовавшей зимой-весной 1941 г. возможностью перенесения державами "Оси" основных военных действий на Ближний Восток.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-3/1.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. III. С. 10-14. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94:327(47+569.4)

В статье исследуется место и роль Палестины в советской ближневосточной политике накануне Великой Отечественной войны. Особое внимание уделяется анализу оценок советским руководством ситуации в «еврейском национальном очаге» и вокруг него в связи с существовавшей зимой-весной 1941 г. возможностью перенесения державами «Оси» основных военных действий на Ближний Восток.

Ключевые слова и фразы: Палестина; «еврейский национальный очаг»; международные отношения на первом этапе Второй мировой войны; ближневосточная политика СССР.

Михаил Геннадьевич Агапов, к.и.н., доцент
*Кафедра новой истории и международных отношений
Тюменский государственный университет
tagapov74@gmail.com*

ПАЛЕСТИНА В ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИХ РАСЧЕТАХ СССР (СЕНТЯБРЬ 1939 – ИЮНЬ 1941 Г.)©

Палестина всегда занимала особое место в ближневосточной политике Российской империи. Хотя в главах партийно-советского руководства Палестина уже не обладала статусом «святой земли», ее значение в советской геополитике на Востоке по-прежнему было огромным. Выводы современных исследователей подтверждают этот тезис. Главной задачей советской ближневосточной политики межвоенного периода было «разорвать цепь английских стратегических коммуникаций, значительно ослабить влияние Великобритании в Палестине... закрепить там свое влияние и получить возможность контролировать ситуацию в этой части ближневосточного региона» [5, с. 411]. В парадигме «мировой революции» (по существу, первая внешнеполитическая доктрина «государства победившего пролетариата»), страны Ближнего Востока рассматривались одновременно как «основной тыл империализма» и резерв «мировой революции», который мог быть введен в бой под лозунгами борьбы за национальное освобождение. Однако агентам Коминтерна не удалось перевести национально-освободительное движение арабских народов на путь антиимпериалистической революции. Интегративной платформой различных арабских повстанческих групп стал антисионизм – идея борьбы против колонизации Палестины еврейскими переселенцами [14, с. 169]. Созданный под эгидой Великобритании после окончания Первой мировой войны «еврейский национальный очаг» в Палестине рассматривался Коминтерном как оплот британского империализма на Ближнем Востоке. В начале 1920-х гг. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала (ИККИ) еще признавал «прогрессивную» роль сионизма в деле развития капитализма в Палестине, «пролетаризации» ее арабского населения и, следовательно, формирования «революционного класса» [9, с. 12]. Но, убедившись вскоре в малочисленности и организационной слабости арабского пролетариата, Коминтерн сделал ставку на организацию «единого фронта борьбы» всех «антиимпериалистических» сил «за освобождение Палестины от британского империализма и его агентов-сионистов» [23, д. 19, л. 1-3].

Целью данной статьи является изучение места и роли Палестины в военно-стратегических расчетах советского руководства в один из самых неоднозначных и драматичных моментов отечественной истории – накануне Великой Отечественной войны.

К концу 1930-х гг. стало очевидным усиление среди палестинских арабов националистических, антисемитских и откровенно фашистских настроений. В итоге во главе «Великого арабского восстания» 1936-1939 гг. оказались те силы – «реакционные элементы», «муфтий Эль Хусейн, продажный агент германского фашизма» и другие «темные личности, подобные Эль Хусейну» [10, с. 59-60], – противостояние которым Коминтерн считал главной задачей компартий и международного рабочего движения. Это обстоятельство, а также стремление Москвы заключить союз с Великобританией и Францией на антигерманской основе обусловили понижение накануне Второй мировой войны активности Коминтерна в зонах жизненно важных интересов Лондона и Парижа, в частности на Ближнем Востоке. Вместе с тем регион Ближнего Востока сохранял «жизненное значение для безопасности и обороноспособности СССР, поскольку единственная в то время нефтяная база страны – промыслы Баку и Северного Кавказа – и важнейшая угольно-металлургическая база на Украине были наиболее уязвимы именно с юга» [16, с. 3]. Поэтому накануне подписания советско-германского договора о ненападении ситуация в Палестине и вокруг нее оставалась в поле внимания Кремля.

Материалы по ситуации на Ближнем Востоке готовились, в частности, сотрудниками Арабского кабинета Научно-исследовательского института по изучению национальных и колониальных проблем Коминтерна. Интересы Англии в Палестине четко связывались работниками Арабского кабинета со стремлением Лондона сохранить за собой Палестину как «военно-стратегическую базу в восточном углу Средиземного моря, призванную сыграть решающую роль в будущей схватке за передел колоний» [24, д. 12, л. 44]. Серьезное беспокойство советского руководства вызывало сближение арабов со странами «Оси». «Если английское правительство, посеяв в Палестине ветер, пожинает бурю, то эту бурю германский и итальянский фашизм

хочет использовать в своих агрессивных целях» [10, с. 61]. Со ссылкой на сообщения английских и французских газет советская печать указывала на связи «палестинских повстанцев» с Берлином и Римом. Отмечались поставки в Палестину оружия германского производства, «связь между итальянскими агентами и верховным арабским комитетом», который «получает инструкции и деньги из-за границы» [11]. Советская печать постоянно указывала на «несомненный факт широкого политико-пропагандистского наступления против западных демократических стран, организованного фашистским блоком агрессоров в колониальных странах средиземноморского бассейна» [11; 13; 17]. Как продолжение «опасной политики умиротворения» на Ближнем Востоке и уступка тесно связанным со странами «Оси» лидерам арабского восстания 1936-1939 гг. была расценена в Москве Декларация британского правительства о политике в Палестине 17 мая 1939 г. Целью британского правительства провозглашалось «основание в течение 10 лет независимого палестинского государства». При этом еврейское население не должно было превысить 1/3 всего населения Палестины. Еврейская иммиграция ограничивалась и ставилась в зависимость от согласия палестинских арабов. Приобретение евреями земли в ряде районов страны запрещалось, а в других – строго ограничивалось [32]. Весной 1939 г. «еврейский национальный очаг» представлялся Москве разменной монетой, которой правительство Чемберлена рассчиталось с арабскими лидерами за их лояльность в ключевом для Британской империи регионе, а еврейское население Палестины – коллективным заложником британской «политики умиротворения» на Ближнем Востоке.

В новой конфигурации сил на международной арене, произведенной пактом Молотова – Риббентропа, значение Ближнего Востока еще более возросло. Основная идея Сталина заключалась в том, что «предстоящая война будет иметь две фазы. Во время первой фазы в войну будут вовлечены капиталистические державы, а Советский Союз останется нейтральным в этом конфликте. Ключевая задача для Сталина была, таким образом, растянуть эту фазу, насколько это возможно» [31, р. 670]. Однако, чем более затягивалась «странная война» Антанты (так в рассматриваемый период в СССР именовался англо-французский блок), тем более сталинское руководство укреплялось в подозрении, что Лондон ведет дело к замирению с Германией на антисоветской основе. Иначе говоря, ожидаемая «первая фаза» никак не начиналась, и более того, возникали серьезные опасения, что Великобритания и Франция, «уступив» Германии Польшу, смогут убедить Гитлера продолжить «дранг нах остен». В этой ситуации Ближний Восток казался советскому правительству тем регионом, где противоречия между Великобританией и Францией, с одной стороны, и Германией и Италией, с другой, могли бы вылиться в открытый и затяжной военный конфликт.

Зимой-весной 1940 г. в советской печати появился целый ряд материалов, призванных привлечь внимание стран «Оси» к «англо-французским проискам на Ближнем Востоке», объяснить их опасность для Германии и обосновать стратегические выгоды германского наступления на данном направлении. «Ближний Восток занимает исключительно важное место в англо-французских планах расширения масштабов войны», – утверждали «Известия» 15 февраля 1940 г. Ссылаясь на сообщения иностранной печати, газета сообщала об «усиленных стратегических приготовлениях» Антанты на Ближнем Востоке, выражавшихся: во-первых, в ускоренном возведении военной инфраструктуры (например, «строится автомобильная дорога из Багдада в Хайфу»); во-вторых, в пропагандистской обработке арабских народов, «которые должны быть вовлечены в войну в качестве пушечного мяса»; и в-третьих (но не по важности), «дипломатических происках, направленных к созданию блока ближневосточных государств». «Смысл всех этих ближневосточных махинаций англо-французского империализма совершенно ясен, – делали вывод “Известия”. – Ближневосточные происки Англии и Франции направлены в первую очередь против Германии. Ближний Восток должен стать оперативной базой для наступления через Балканы на Германию... Через Ближний Восток и Балканы должен быть чужими руками нанесен удар по более уязвимым местам Германии». Кроме того, «втягивание балканских и ближневосточных стран в войну должно отрезать Германию от важных для нее источников сырья и сделать английскую блокаду [недейственной в нынешнем ее виде] эффективной» [20].

В свою очередь, совершенно ясной была интенция и соответствующих материалов советской печати. Удар Германии, возможно, совместно с Италией по Ближнему Востоку мог бы подорвать колониальное могущество Великобритании и обеспечить Германии победу (в действительности – исключить возможность англо-германского замирения, оттянуть германские силы из Европы, связать их изнурительными боевыми действиями в ливантских песках). «Здесь [на Ближнем Востоке] находится один из важнейших и наиболее уязвимых стратегических узлов Британской империи», – отмечали в этой связи «Известия». Прежде всего, «здесь [на Ближнем Востоке] проходит главная артерия британских морских коммуникаций – через Суэц и Аден – в Индию, Австралию и на Дальний Восток». Во-вторых, здесь же находится «важнейший узел воздушных коммуникаций... соединяющих Лондон через Хайфу – Багдад – с Индией и Австралией». Наконец, «Ближний Восток – важнейший экономический центр Британской империи», главным достоянием которого является «моссульская нефть, перекачиваемая по нефтепроводу в Хайфу и Триполи» и «нефтеочистительные предприятия в Палестине». «Для снабжения английского флота и авиации эта нефть играет исключительную роль» [Там же].

Удар стран «Оси» по англо-французскому империализму на Ближнем Востоке, по замечанию советской печати, несомненно, получил бы поддержку со стороны арабов, «уже знающих по опыту, как легко англо-французский империализм кромсает при случае арабские территории. Зная об этом, можно не сомневаться в том, что [никакие уступки и пропагандистские мероприятия англичан] не заставят арабов забыть о своем положении и о той грозной опасности, которую представляет собой для них ненасытный и вероломный

англо-французский империализм» [7]. «Почва на Ближнем Востоке горит под ногами англо-французских империалистов. В Палестине не прекращается борьба против английских оккупантов» [20]. Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что в Кремле знали об англо-французских планах нанесения удара по Советскому Закавказью с целью уничтожения расположенных там нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих предприятий [19, с. 35]. Таким образом, германское наступление на Ближнем Востоке могло бы ликвидировать угрозу англо-французского вторжения в южные пределы СССР.

Оставляя более чем прозрачные намеки партийно-советского руководства без комментариев, Берлин предоставлял тем самым хозяину Кремля возможность и впредь рассчитывать на перенесение англо-германской борьбы на Ближний Восток. Такая перспектива вновь открылась после разгрома Франции и вступления в войну Италии. 25 июня 1940 г. председатель СНК и глава советского внешнеполитического ведомства В. М. Молотов передал послу Италии в СССР А. Россо заявление о позиции советского правительства по вопросам международных отношений в Балкано-Дунайском регионе, в котором, в частности, замечалось: «Что касается Средиземного моря, то СССР считает вполне справедливым, чтобы Италия имела преимущественное положение в этом море. При этом СССР надеется, что Италия учтет интересы СССР как главной черноморской державы» [1, д. 229, л. 12]. Таким образом, Москва не только указывала сферу своих интересов, но и ободряла Рим в его стремлении к «восстановлению римской империи».

В Кремле надеялись, что начатая в сентябре 1940 г. итальянцами кампания против Египта, с одной стороны, и ставшая очевидной к этому времени неспособность немцев добиться превосходства над англичанами на море и в воздухе (т.е. обеспечить высадку германской армии на Британские острова) – с другой, заставят Гитлера перенести основную тяжесть военных действий на Ближний Восток, где совместно с итальянцами он мог бы сокрушить Британскую империю и принудить Лондон к миру. Несмотря на проигрыш «битвы за Англию» и отказ от отправки германских войск в Египет, главной темой переговоров Гитлера и Риббентропа с Молотовым во время визита последнего в Берлин 12-13 ноября 1940 г. стал, по настоянию Гитлера, вопрос о разделе «британского наследства». «Столкновение с Англией будет доведено до своего решающего конца... поражение Британских островов приведет к распаду империи, – заявил Гитлер Молотову. – При таких обстоятельствах откроются перспективы мирового масштаба... Все государства, могущие быть заинтересованными в этой банкротной массе, должны приостановить все конфликты между собой и заняться только разделом Британской мировой империи. Это относится к Германии, Франции, Италии, России и Японии» [21, с. 123-124]. Ответ на интересующий Сталина вопрос о предполагаемых Берлином конкретных границах «сферы интересов СССР в... ближней и средней Азии» [3, д. 1161, л. 147] дал Риббентроп. «СССР может извлечь выгоды при перераспределении территорий Британской империи путем экспансии в направлении Персидского залива и Аравийского моря», – заявил министр иностранных дел Германии [2, д. 675, л. 21-30].

В какой мере заявления гитлеровского руководства о борьбе с Англией до «решающего конца» и разделе Британской империи были блефом, призванным породить в Кремле иллюзию возможности «приостановить все конфликты» между Германией и СССР, и в какой мере они соответствовали действительным планам Берлина?

Вплоть до начала 1941 г. Гитлер расценивал перспективы военных действий в Восточном Средиземноморье скептически. «Германия, естественно, хотела бы избежать любого конфликта, который отвлек бы ее от борьбы против сердца этой [Британской] империи – Британских островов», – сказал он Молотову 13 ноября 1940 г. [21, с. 123]. На следующий день на переговорах с главой генштаба итальянской армии П. Бадольо начальник Верховного главнокомандования вермахта В. Кейтель заявил, что итальянцы не должны рассчитывать на прибытие в Египет германских войск [30, р. 52]. Отказ в помощи ближайшему союзнику объяснялся германским руководством занятостью всех вооруженных сил рейха в подготовке к захвату Британских островов. В действительности, как известно, части германской армии уже стягивались в это время к западным границам СССР.

Однако в начале 1941 г. идея нанесения решительного удара по Англии на Ближнем Востоке получила широкое распространение в Берлине. Этому способствовали следующие факторы. Во-первых, когда в январе 1941 г. войска Британского содружества разгромили итальянскую армию в Египте и начали наступление на Триполи, давление Муссолини на Гитлера с просьбой о посылке в Ливию германских частей достигло наивысшей точки. Во-вторых, на перенесении центра тяжести войны в Средиземное море и на Ближний Восток зимой 1940 – весной 1941 г. настаивало командование германских военно-морских и сухопутных сил. Штаб верховного главнокомандования вермахта разработал несколько вариантов операции по завоеванию Ближнего Востока. Окончательный план, представленный Гитлеру 4 ноября 1940 г., выглядел следующим образом. Ударная танковая группировка молниеносным броском через Болгарию и Стамбул проходит в Анатолию и оттуда захватывает Сирию и Палестину. План был задуман как фланговый удар с северо-запада для соединения с итало-немецкими частями в Африке [26, с. 149]. Серьезная угроза британским позициям на Ближнем Востоке позволила бы, по мнению германского МИД, добиться быстрого окончания войны с Англией дипломатическим путем [22, с. 239]. В-третьих (вероятно, этот фактор был решающим), германскому командованию стало известно о подготовке английским правительством при возрастающей поддержке США «Греческой экспедиции» силами дислоцированных в Египте и Палестине войск Британского содружества с целью оказания Афинам помощи в отражении развязанной Муссолини в октябре 1940 г. агрессии против Греции. В случае благоприятного для англичан исхода «Греческой экспедиции» они могли бы вернуть Грецию в плацдарм для развертывания наступательной армии.

В итоге в начале февраля 1941 г. Гитлер принял решение об отправке в Ливию германских войск, получивших наименование «Германский Африканский корпус». В конце марта в Северной Африке началось германо-итальянское контрнаступление. В Москве считали вполне вероятными дальнейшее наращивание германских сил на Ближнем Востоке и его превращение в главный театр военных действий [4, с. 37-38; 12, с. 250; 15, с. 288; 18, с. 207; 25, с. 153; 29, с. 13] (к аналогичным выводам приходил в это время и английский кабинет [27, с. 165]).

Государственный переворот в Багдаде 1 апреля 1941 г., в результате которого к власти в стране пришло прогерманское правительство «национальной обороны» Айл-Гайлани, и озвученное в этой связи обращение Берлина к «арабскому национальному движению» с призывом поддержать «освободительную миссию» держав «Оси» на Ближнем и Среднем Востоке, казалось, подтверждали ожидания Москвы. По агентурным каналам советское посольство в Берлине получало информацию о том, что для Германии «главный вопрос в данный момент – это вопрос арабских народов и установления нового порядка в арабском мире» [8, с. 39]. Особое место в нацистской пропаганде среди арабов уделялось Палестине – переднему рубежу борьбы арабов с их общим с Германией врагом – «мировым еврейством». Среди арабских националистов широко распространялась переведенная на восточные языки книга Гитлера «Моя борьба», причем из нее были исключены места, оскорбительные для арабов, которых Гитлер третирует наряду с евреями как «низшую ступень белой расы» [16, с. 7].

Кремль всячески поддерживал германские aspirations на ближневосточном направлении. «Согласно косвенным свидетельствам, сохранившимся в германских архивах, – отмечает в этой связи О. В. Вишлёр, – в апреле – начале мая 1941 г. в Анкаре прошли советско-германские консультации по Ближнему Востоку, которые от имени своих правительств вели полпред СССР в Турции (с начала мая 1941 г. чрезвычайный и полномочный посол) С. А. Виноградов и германский посол в Турции Ф. фон Папен. В ходе этих консультаций советская сторона подчеркнула свою готовность учитывать германские интересы в ближневосточном регионе». О. В. Вишлёр также обращает внимание и на заявление ТАСС от 9 мая 1941 г., опровергающее сообщения зарубежных информагентств об усилении ВМФ СССР в Черном и Каспийском морях и о намерении Москвы потребовать от Тегерана предоставления Советскому Союзу аэродромов в Иране, которым, по мнению историка, «советское правительство подчеркивало, что советско-германская граница надежно прикрыта [все сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы остаются на своих местах], и как бы указывало Берлину направление, на котором мог развиваться его “динамизм” без противодействия со стороны СССР» [8, с. 40].

Серьезное отношение советского военного командования к планам германского наступления на Ближнем Востоке было продемонстрировано публикацией в начале 1941 г. Военным издательством Наркомата обороны СССР книги «представителя германских военных кругов», одного из идеологов германского ориентализма Ганса Эриха фон Чирнера «Арабский плацдарм и война в Европе». Особое значение в борьбе за Средиземноморье Чирнер придавал мосуло-хайфинскому нефтепроводу, захват или разрушение которого сделали бы английский флот недееспособным [28, с. 32].

Надежды сталинского руководства на то, что Гитлер откажется от «дранг нах остен» в пользу «дранг нах ориент» и увязнет в войне против Англии, не оправдались. Для Гитлера, в отличие от ориенталистов в германском МИД и Верховном главнокомандовании вермахта, первоочередной задачей было сокрушение СССР. Директива № 21 (план «Барбаросса») была подписана им еще 18 декабря 1940 г. С началом стягивания германских войск к советской границе, начавшегося в феврале 1941 г., влияние сторонников переноса войны на Ближний Восток в германских верхах (которое никогда не было значительным) стало падать. Весной-летом 1941 г. тезис о приоритетном для германских интересов ближневосточном направлении являлся важной частью операции нацистских спецслужб по дезинформации Кремля. В частности, из Берлина стали разпознаться слухи о том, что в ближайшее время Гитлер потребует от Сталина согласия на проход вермахта через южные районы СССР в Ирак. Таким образом объяснялась сверхконцентрация германских войск на границах СССР и создавалась иллюзия возможности регулирования германо-советских противоречий в духе ноябрьских предложений Гитлера о совместном разделе Британской империи.

К концу мая стало очевидно, что Германия не двинет все свои силы на Ближний Восток. Во-первых, в результате разгрома Югославии и Греции, а также захвата Крита Германия установила контроль над Восточным Средиземноморьем, что полностью исключило угрозу британского вторжения в Европу через Балканы. Во-вторых, к этому же времени наступление германо-итальянских войск в Северной Африке было остановлено благодаря упорному сопротивлению британских войск. Наконец, стратегическое наступление на Ближнем Востоке (даже если бы Гитлер выбрал этот вариант) было невозможно без согласия Турции на транзит через ее территорию германских войск (главный удар по Сирии и Палестине предлагалось нанести через Анатолию), однако после того, как в начале мая Стамбул решительно отверг требования Берлина пропустить через турецкую территорию партию военного снаряжения для иракских путчистов, стало понятно, что Турция не будет участвовать в германской экспансии на Ближнем Востоке. В свою очередь и Сталин вряд ли согласился бы пропустить германские войска в Ирак через территорию СССР. Такой шаг неизбежно повлек бы вступление Советского Союза в войну против Великобритании, что в корне противоречило сталинской политике «пробывания над схваткой». В любом случае просьба о пропуске германских войск через территорию СССР так и не последовала.

Итак, внимание партийно-советского руководства к положению на Ближнем Востоке накануне Великой Отечественной войны определялось, прежде всего, задачами стратегического планирования советской

внешней политики и обороны страны. В отличие от 1920-1930-х гг., когда при анализе ситуации в Палестине и вокруг нее большое внимание уделялось изучению «классовой борьбы», теперь в духе *Realpolitik* Палестина рассматривалась Москвой исключительно как важнейший оплот Англии на Ближнем Востоке, один из центров военно-морских и военно-воздушных коммуникаций Британской империи, ее крупнейший нефтяной терминал и, соответственно, одна из целей возможного германского наступления. Ситуация в Палестине и вокруг нее имела в это время стратегическое значение. Так, зимой-весной 1941 г. у советского руководства имелись основания предполагать, что летом германское командование начнет масштабное наступление на Ближнем Востоке. Однако эти расчеты не оправдались. Уже к началу мая 1941 г. стало очевидно, что это была лишь интермедия большой дипломатической игры.

Список литературы

1. **Архив внешней политики Министерства иностранных дел РФ (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 2.**
2. **АВП РФ. Ф. 3. Оп. 64.**
3. **АВП РФ. Ф. 36. Оп. 1.**
4. **Бережков В. М.** Страницы дипломатической истории. М.: Международные отношения, 1987. 616 с.
5. **Ближневосточная политика великих держав и арабо-израильский конфликт:** в 2-х т. / под ред. О. А. Колобова. Н. Новгород: ИСИ ННГУ, 2008. Т. 1. Закономерности и особенности. 612 с.
6. **Бурцев М. И.** Борьба за прозрение // Новая и новейшая история. 1979. № 4. С. 71-96.
7. **Васильев Н.** Новые почитатели Корана // Известия. 1940. 29 февраля.
8. **Вишлёв О. В.** Накануне 22 июня 1941 года: документальные очерки. М.: Наука, 2001. 230 с.
9. **Гурко-Кряжин В. А.** Национально-освободительное движение на Ближнем Востоке. М.: Всероссийская научная ассоциация востоковедения при народном комиссариате по делам национальностей, 1923. Ч. 1. Сирия и Палестина, Киликия, Месопотамия и Египет. 156 с.
10. **Давос Р.** События в Палестине // Коммунистический интернационал. 1938. № 11. С. 59-63.
11. **Ерухимович И.** Итало-германские интриги в Палестине // Правда. 1936. 7 октября.
12. **Жуков Г. К.** Воспоминания и размышления: в 2-х т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Т. 1. 415 с.
13. **Итальянские происки на Ближнем Востоке** // Правда. 1939. 20 мая.
14. **Косач Г. Г.** Красный флаг над Ближним Востоком? Компартии Египта, Палестины, Сирии и Ливана в 20-е - 30-е годы. М.: Институт стран Азии и Африки при МГУ, 2001. 420 с.
15. **Кузнецов Н. Г.** Накануне: курсом к победе. М.: Воениздат, 1991. 832 с.
16. **Лазарев М. С.** Вторая мировая война и страны Ближнего и Среднего Востока: политическое положение в Турции, Иране, Афганистане и арабских странах // Международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке после Второй мировой войны. М.: Наука, 1974. С. 3-43.
17. **Лисовский П.** Фашистские агрессоры и страны ислама // Известия. 1938. 1 февраля.
18. **Мерецков К. А.** На службе народу. М.: Политиздат, 1968. 471 с.
19. **Новиков Н. В.** Воспоминания дипломата: записки о 1938-1947 годах. М.: Политиздат, 1989. 499 с.
20. **Осипов М.** Англо-французские происки на Ближнем Востоке // Известия. 1940. 15 февраля.
21. **Переговоры Гитлера и Молотова в Берлине 13 ноября 1940 г.:** запись личного переводчика Риббентропа посланника Пауля Шмидта // Вторая мировая война: два взгляда. М.: Мысль, 1995. С. 122-127.
22. **Риббентроп И.** Мемуары нацистского дипломата / пер. с нем. Г. Я. Рудого. Смоленск: Русич, 1998. 488 с.
23. **Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 81.**
24. **РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4.**
25. **Филиппов И. Ф.** Записки о «Третьем рейхе». М.: Международные отношения, 1970. 248 с.
26. **Френкель М. Ю.** Африка и Ближний Восток в стратегии Германии в 1940-1942 гг. // Восток. 1995. № 1. С. 147-158.
27. **Черчилль У. С.** Вторая мировая война: в 6-ти т. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998. Т. 3. Великий союз. 368 с.
28. **Чирнер Г.** Арабский плацдарм и война в Европе / сокр. пер. с нем. М. Некрича. М.: Воениздат, 1941. 184 с.
29. **Штеменко С. М.** Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1989. 560 с.
30. **DiNardo R. L.** Germany and the Axis Powers from Coalition to Collapse. Lawrence, 2005. 320 p.
31. **Rice C.** The Making of Soviet Strategy // Makers of Modern Strategy from Machiavelli to the Nuclear Age / ed. by Peter Parret with Gordon A. Craig and Felix Gilbert. Princeton (N.J.), 1986. P. 648-676.
32. **White Paper of 1939:** Palestine: Statement of Policy Presented by the Secretary of State for the Colonies to Parliament by Command of His Majesty. May 1939. Cmd. 6019.

PALESTINE IN THE USSR MILITARY-STRATEGIC CALCULATIONS (SEPTEMBER 1939 - JUNE 1941)

Mikhail Gennad'evich Agapov, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Modern History and International Relations
Tyumen' State University
magapov74@gmail.com

The author studies the role and place of Palestine in soviet Middle East policy on the eve of Great Patriotic War, pays special attention to the analysis of the soviet leadership's assessment of the situation in "Jewish national home" and around it in connection with the existing winter-spring 1941 possibility for the "Axis" powers to transfer major military activity in Middle East.

Key words and phrases: Palestine; Jewish national home; international relations at the first stage of World War II; soviet Middle East policy.